**Богумил Т.А., доктор филол. наук, доцент кафедры литературы
Желонкина Д.Р., студентка 4 курса Института филологии и межкультурной
коммуникации**

Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ЗМЕИ В РОМАНЕ Ю.О. ДОМБРОВСКОГО «ХРАНИТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ»

Аннотация. В статье предложен анализ центрального в «Хранителе древностей» образа змеи. Выявлены библейские мотивы в развитии сюжетной линии об удаве, установлены связи данного образа с литературными претекстами и художественной реальностью изучаемого произведения. Ключевой для романа мотив убийства змеи рассмотрен в соотношении с пьесой Е.Л. Шварца «Дракон». В исследовании предпринята попытка интерпретировать образ удава в главе «История немецкого консула», не вошедшей в окончательный вариант романа Ю.О. Домбровского, но достраивающей понимание данного анималистического образа.

Ключевые слова: Ю.О. Домбровский, мифопоэтика, грехопадение, Эдем, змея, дракон.

**T.A. Bogumil,
D.R. Zhelonkina**

SEMANTICS OF THE IMAGE OF A SNAKE IN THE NOVEL BY DOMBROVSKY «THE KEEPER OF ANTIQUITIES»

Abstract. The article offers an analysis of the central image of the snake in the "Keeper of Antiquities". Biblical motifs in the development of the plot line about the boa constrictor are revealed, the connections of this image with literary pretexts and the artistic reality of the work under study are established. The key motive for the novel, the killing of the snake, is considered in relation to the play by E.L. Schwartz "The Dragon". The study attempts to interpret the image of the boa constrictor in the chapter "The History of the German Consul", which was not included in the final version of the novel by Yu.O. Dombrovsky, but completes the understanding of this animalistic image.

Keywords: Dombrovsky, mythopoetics, fall from grace, Eden, snake, dragon.

Роман Ю. О. Домбровского богат анималистическими образами, однако целью настоящей статьи является анализ центрального в «Хранителе древностей» образа змеи, выступающей в различных ипостасях. Актуальность исследования обеспечивается востребованностью в современном литературоведении изучения зооморфного кода художественных произведений и не иссякающим интересом к творчеству Ю. О. Домбровского. Методология исследования опирается на приемы и методы историко-культурного, структурно-семиотического, интертекстуального и мифопоэтического подходов. Новизна выбранной темы определяются тем, что до сих пор исследователи уделяли мало внимания зооморфным образам в данном романе, в том числе и лейтмотивному образу удава. К нему в «Говорящей древности», первой рецензии на роман Домбровского, обращается И. Золотусский, связывая удава с силой, которой противостоит Хранитель [4]. Другие исследователи лишь вскользь упоминают историю с удавом, концентрируясь на образе главного героя [1; 7; 8; 9].

Впервые о появлении в городе змеи Зыбин узнает из невероятного содержания заметки под названием «Индийский гость», помещенной в республиканской газете: огромный индийский удав при загадочных обстоятельствах (загипнотизировав сторожа) сбежал из передвижного зверинца и сумел пережить зиму. Этот кажущийся абсурдом рассказ

Добрыни подтверждается свидетельствами очевидцев и корреспондентами других газет, хотя на иллюзорность змеи указывает уже само ее наименование: удавы никогда не обитали в Индии, соответственно, индийский удав – это удав несуществующий. В этом отношении примечательна вторая версия его появления, связанная с мошенничеством труппы эстрадного объединения: удав «ниоткуда не сбегал и нигде не появлялся» [3, с. 198]. Выдуманный для обогащения путем обмана змей порождает панику среди местных жителей, оборачиваясь в их воображении каким-то вездесущим хтоническим чудовищем: «...двадцать пять метров длины, глотает людей, валит деревья, душит домашний скот. Прыгает, скачет, давит, ползает, плавает, ну только-только что не пышет огнем» [3, с. 199]. Призрачность удава подчеркивается вновь возникающим мотивом гипноза, поскольку в «гопкомпанию», как называет труппу восходят к фантастической повести Михаила Булгакова «Роковые яйца» как к истоку замысла истории с удавом в «Хранителе древностей». В ней гигантская анаконда, иначе называемая водяным удавом, оказывается более чем реальной, однако агенты государственного политического управления на станции Дугино не верят в ее существование: «Полайтис полагал, что вообще ничего этого не было, а просто-напросто Рокк душевнобольной и у него была страшная галлюцинация. Щукин же склонялся к мысли, что из города Грачевки, где в настоящий момент гастролировал цирк, убежал удав-констриктор» [2, с. 103].

Поведение мифической змеи, которое наблюдают ребята из 6-ой бригады колхоза «Горный гигант» и бригадир Потапов, отсылает читателя к узнаваемому библейскому сюжету о первородном грехе: «Увидели его в саду. Обвился он вокруг ствола и выбирал самые лучшие спелые яблоки» [3, с. 38]. В этой сцене сады Алатау выступают прекрасным Эдемом, яблоня – Древом познания добра и зла, а жители Древнего Семиречья, вкусившие его плод («огромное, блестящее, ярко-красное» яблоко – верненский апорт), – первыми людьми, изгнанными из рая. Удав же воспринимается в одном из архетипических вариантов – в роли змея-искусителя, первопричины возникновения зла в видимом мире. Люди в очередной раз ослушались Бога, в их мир вошла смерть, физическая и духовная. Кроме того, удав в «Хранителе» неоднократно уподобляется дракону: «...в отдельном павильоне жила огромная, похожая на дракона змея» [3, с. 40], «Ведь явственно, явственно видел – громаднейший змей ползет. Или наваждение такое? <...> Ползет змеючка, а ты видишь дракона» [3, с. 247]. В целом, облик библейского змея соотносим с обликом дракона. Христианство оказало существенное влияние на превращение дракона, как и змеи, в обобщающий символ дьявольского зла [9]: в Священном Писании сатана называется низверженным великим драконом, или древним змием; Левиафан, олицетворяющий первобытный хаос, изображается как чудовищный дракон или гигантский змей. Таким образом, появление змеи-дракона в садах колхоза следует рассматривать и как пришествие в мир Антихриста.

Очевидцы по-разному описывают внешний вид удава. Член колхоза Луценко рассказывает, как чуть не наступил на хвост огромной серой змеи, «длиной метра четыре, как ствол средней яблони» [3, с. 38]. А бригадир Потапов видит удава иначе: «Такой черный-черный, только не блестящий, а матовый, как шина». В его восприятии он длиной уже «метров десять, а то и того больше», от движения змеи все вокруг шумит, дрожит, сыпется, весь склон шевелится [3, с. 130]. При сравнении этих описаний создается ощущение, будто нечистая сила, которую воплощает собой удав, растет (четыре метра – десять и более); тьма сгущается (от серого к черному). Во втором описании подчеркнута и невероятная мощь рептилии. Наблюдаемые изменения животного тесно связаны с нарастанием тревожности и безотчетного страха, которые вторглись в жизнь героев романа и стали частью их повседневности. Вопрос о том, существует ли все-таки удивительный змей, задается наравне с другим вопросом: «А война будет?» [3, с. 183]. Герои «Хранителя» остро ощущают близость катастрофы, а с ней – бессмысленность всего происходящего: «Вот ученые приезжают, <...> черепки собирают, ну что ж, мы уважаем науку, хорошо... Ну а вот если верно – завтра война? К чему эти кости и черепки, а?» [3, с. 134]. Потапов открыто выражает

свои опасения: «Не за себя, за детей боюсь. Мы что? Мы свое прожили» [3, с. 228]. Эти страхи отнюдь не индивидуальны, бригадир транслирует общественные настроения. На вопрос Корнилова, что же случилось с Потаповым, Зыбин отвечает: «Войны боится. <...> Насчет детей думает. Это сейчас бывает с людьми» [3, с. 234]. Причиной тревоги, охватывающей персонажей, является не только приближающаяся война, но и запущенный механизм политических репрессий, поглощение человека существующей системой. Даже к героям, доверяющим советскому правительству, приходит осознание того, что правоохранные органы становятся органами карательными, от которых невозможно укрыться, поскольку они заранее уничтожают «всех неустойчивых, сомневающихся, связанных с той стороной, готовящихся к измене, врагов настоящих, прошлых и будущих» [3, с. 117].

Можно сказать, что героев романа объединяет их нахождение на краю бездны и страх наступающего Времени, которое, как удав, давит своими кольцами: «Я еще не знал, какое это время наступает и зачем ему надо наступать именно на меня, но вдруг ощутил такой холод, такую жуть, что у меня даже мурашки побежали по коже и заломило под ногтями» [3, с. 118]. Потапову змей «взбаламутил» всю жизнь, из-за него бригадир «покой потерял». Точно также и надвигающееся Время несет за собой лишение покоя. Вслед за призрачным удавом возникают призраки грядущей большой войны, подступающей извне, и войны, развязанной тоталитарным государством против собственных граждан. Кроме того, важна связь удава со змеем-Уроборосом, символизирующим цикличность жизни, бесконечное чередование ее периодов. Так в «Хранителе древностей» на смену Времени созидания и перерождения неминуемо приходит Время разрушения и гибели.

Удав, принимающий в воображении Потапова и других местных жителей облик могучего хтонического существа, оказывается хоть и крупным, но самым обыкновенным туркменским полозом. Полоз способен удушать жертву кольцами своего тела подобно тропическому удаву, а его кажущаяся длина, когда он извивается в траве, всегда является гораздо больше реальной. Эта ошибка воспринимающих и оценивающих способностей вновь задает мотив гипноза, «кажимости». Полоз ассоциируется с тайным стражем, дающим / перекрывающим доступ ко всему существу: к удаче или несчастью, к жизни или смерти. А определение директором музея убитого бригадиром полоза как «короля среди своих» сближает его с Великим Полозом Павла Бажова. Это сравнение обоснованно тем, что Великий Полоз в сказах П. Бажова становится воплощением «жуткого», или «зловещего», которое связано с вытеснением исторической травмы через фантастические и, в особенности, монструозные образы [6, с. 228].

Герои романа чувствуют нелепость своего положения, когда смотрят на убитого змея, теперь жалкого, словно сделанного «из черной гуттаперчи». Однако Зыбин сильно заблуждается, говоря, что «с этой дурацкой историей теперь покончено», ведь Потаповым убит полоз – не удав. Удав не имеет материального воплощения и, следовательно, не может быть убит. Бытует представление о необыкновенной живучести змеи: убитая змея может оживать. Оно восходит к физиологической особенности рептилии – периодическому сбрасыванию кожи [5, с. 15]. Поэтому удав, умерщвленный в образе полоза, непременно возродится в ином обличье. В азиатской культуре распространен миф о драконоборце, который, уничтожая дракона, сам становится им. Этот сюжет демонстрирует, как победа над злом, пришедшим извне, приводит к возвращению зла внутри «победившего». Данная легенда нашла свое развитие в пьесе-сказке Е. Шварца «Дракон» (1942-1944 гг.). Важную для понимания значения образа удава в исследуемом романе мысль высказывает у Шварца Эльза: «Неужели дракон не умер, а, как это бывало с ним часто, обратился в человека? Тогда превратился он на этот раз во множество людей, и вот они убивают меня» [11, с. 337]. Люди, с удовольствием служащие деспотии и везущие «любого, кто возьмет вожжи» [11, с. 314], как их в пьесе характеризует Бургомистр, и люди в «Хранителе древностей», зараженные доношением и оправдывающие тиранию (Аюпова, Зоя Михайловна, Михаил Степанович, Софья Якушева, даже Потапов, считающий арест и расстрел своего брата

вполне справедливыми), – все они так или иначе оказываются непосредственными соучастниками творящегося зла. В силу того, что находят свое положение терпимым, не пытаются противостоять вседозволенности вершителей системы. В каждом из них живет удав или дракон. В самом человеке находится источник изначального зла (здесь можно говорить о возвращении к образу змея-искусителя как первопричины порочных деяний). Таким образом, чтобы преодолеть зло, нужно убить чудовище в себе, а не во внешнем мире.

В финале романа Зыбину является мысль, подобная озарению, он слышит голос, приказывающий ему: «Уходи, пока не поздно! Скажи, что получил телеграмму от матери, и уезжай! Чтоб завтра тебя здесь не было!» [3, с. 263]. Жить в городе, где всякий человек причастен к жутким событиям, осознанно участвует в них, невозможно для героя, стремящегося к свободе. Он ясно чувствует нависшую над ним угрозу и все-таки не прислушивается к своему подсознанию. В связи с этим можно вновь обратиться к бажовским сказам, где бегство от террора или буквальное исчезновение главного героя представляется счастливым финалом [6, с. 225]. В «Хранителе» счастливого финала не случается. Вероятно потому, что побег уже неосуществим – угроза разрастается до мирового масштаба.

Для анализа образа змеи особенно важна глава «История немецкого консула», не вошедшая в основной текст романа. Она достраивает образ удава. Немецкий консул в Новосибирске, которого Зыбин встречает в лазарете, рассказывает о том, какое впечатление история о перезимовавшем в Алма-Ате удавом произвела на фюрера и его ближайшее окружение. Здесь развивается тема, заданная в 5-ой главе второй части «Хранителя древностей», – заинтересованность Германской Империи в получении сведений о змее, поселившейся в горах Алатау. Новость о том, что удав, которого «в Гамбурге завертывают в ненастный день в одеяло» [3, с. 328], смог пережить сибирскую зиму, становится сенсацией, в первую очередь потому, что имеет символическое значение. Приближенный фюрера говорит о книге, в которой, по его мнению, выражена «мораль русских». Упомянутая книга не названа, но по пересказу ее содержания становится очевидным, что имеется в виду повесть М. Булгакова «Роковые яйца»: «...в Россию заслали <...> яйца тропических гадов. И вот когда их положили в инкубатор, то вместо породистых кур стали вылупляться удавы, крокодилы, змеи, еще всякие страшилища. В короткое время они захватили всю страну. <...> А потом ударил мороз, и гады передохли в течение суток. Иноземным гадам не жить на российской земле» [3, с. 359]. В этом фрагменте акцентируется восходящая к фольклору примета змеи – ее «чуждость» (приходит извне, олицетворяет врагов, inferнальное зло). В «Роковых яйцах» Москву от нашествия пресмыкающихся спасает неслыханный мороз. Это дает основание полагать, что вражеские армии замерзнут с наступлением зимы. Однако в «Хранителе» открывается способность тропической рептилии переносить русский холод, которая рассматривается немцами как возможность более не оглядываться с опаской на пример Наполеона. Для Гитлера, полагающегося на «сверхчувственное», этот удав представляет собой «и символ, и предзнаменование, и психологический флюид» [3, с. 366]. Ему важна каждая мелочь, позволившая змее выжить, поскольку она может помочь в планировании северной войны, в огонь которой он готов без колебаний бросить «сотни тысяч лучших юношей» [3, с. 357]. Однако исход предстоящей войны известен: надежды фюрера на победу химеричны, как химеричен сам удав. Столь же эфемерна и власть Сталина, применяющего насилие в отношении сограждан: «А потом в «Ди вохе» картинка была, на два листа, богатая такая, в красках: <...> удав ползет по площади, мимо памятника Сталину. Сталин стоит так – руку держит, а змей голову поднял на него и смотрит. Весь пятнистый, голова огромная. Очень хорошо нарисовано» [3, с. 313]. Домбровский указывает на то, что удав воплощается, прежде всего, в диктаторах, пренебрегающих главной ценностью – человеческой жизнью. Это чувствует и решающий подать в отставку рейхссоветник, которому по приказу свыше предстоит совершить очередное убийство. Он пытается доказать прокурору ненужность агрессии и жестокости по отношению к мнимому врагу (как внешнему, так и внутреннему), их «нарисованность»: «...да ведь это же плакат! Красный удав! Это же самый обыкновенный плакат! И наш, и их! Только у нас удав

красный, а у них коричневый!» [3, с. 349]. Но разлагающая пропаганда уже действует, а все разрастающийся удав, как дракон Шварца, «разрывает» души людей, делая их послушными, глухонемыми, цепными.

Итак, в ходе настоящего анализа были выявлены библейские мотивы в развитии сюжетной линии об удаве (мотивы грехопадения, пришествия Антихриста), установлены связи изучаемого образа с художественной реальностью произведения (удав как символ страха грядущего времени), обозначены интертекстуальные переключки. Ключевой для романа момент убийства змеи тематически соотнесен с мифом о драконоборце, распространенном в восточной культуре, а также – с пьесой Е.Л. Шварца «Дракон». За рамками данного исследования остались образы ужа, гадюки в человеческом обличье (эпизод, в котором старик Родионов ведет на расстрел Маруську) и удава как символа любовных отношений в «Истории немецкого консула» (вставная новелла о «Еве» и политическом заключенном №48100), которые могут стать объектом дальнейших исследований. Практическая значимость настоящей работы заключается в возможности использования ее результатов на занятиях элективного курса в 11 классе, поскольку роман «Хранитель древностей» не входит в обязательную школьную программу по литературе.

Библиографический список

1. Абдуллаева, Ю. Д. Романы Ю. О. Домбровского «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» (поэтика и концепция личности) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Абдуллаева Юлия Дмитриевна. – Махачкала, 2003. – 48 с.
2. Булгаков, М. А. Морфий: повести, рассказы, пьесы / М. А. Булгаков – Москва : Эксмо, 2011. – 603 с.
3. Домбровский, Ю. О. Хранитель древностей / Ю. О. Домбровский. – Москва : Издательство АСТ, 2024. – 375 с.
4. Золотусский, И. П. Говорящая древность / И. П. Золотусский // Сибирские огни. – 1965. – № 10. – С. 179.
5. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – 2001. – № 19. – С. 5–19.
6. Липовецкий, М. Н. Зловещее в сказах Бажова / М. Н. Липовецкий // Quaestio Rossica. – 2014. – № 2. – С. 212–230.
7. Николаев, С. Н. Неопровержимость истин / С. Н. Николаев // Октябрь. – 1989. – № 2. – С. 200.
8. Светов, Ф. Г. Певец Алма-Аты (к 60-летию Ю. Домбровского) / Ф. Г. Светов // Простор. – 1969. – № 7. – С. 99.
9. Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер. – Москва : Издательско-торговый дом «Гранд» : Фаир-пресс, 2001. – 444 с.
10. Турков, А.М. Что же случилось с Зыбиным? / А. М. Турков // Знамя. – 1989. – № 5. – С. 228.
11. Шварц, Е. Л. «Обыкновенное чудо» и другие пьесы / Е. Л. Шварц. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2025. – 480 с.